

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Сочинения

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-65
ББК 84(2=411.2)
И18

Составление, предисловие и комментарий Т. В. Чумаковой

Иван Грозный

И18 Сочинения / Иван Грозный ; [сост., предисл., коммент. Т. В. Чумаковой]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 245 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09598-5

Иван Грозный — одна из самых ярких и противоречивых фигур русской истории: он известен не только как государственный деятель, правление которого отличалось крайней жестокостью, но и как талантливый полемист, богослов и философ. Человек неистовых страстей и выдающихся способностей, царь Иван Васильевич оставил после себя богатое книжное наследие. Как уживались в одном лице образованнейший человек своего времени, книжник Иван IV Васильевич и царь Иван Грозный, утопивший в крови Новгород и убивший собственного сына? Свидетельства современников, часто переполненные сплетнями и мифами, а порой просто пристрастные, вряд ли помогут понять, каким же было истинное лицо первого русского самодержца. Разгадку можно найти, лишь исследуя огромное письменное наследие царя Ивана IV, часть которого представлена в настоящем издании.

УДК 82-65
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-517-09598-5

© Чумакова Т. В., составление,
предисловие, комментарий, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иван Грозный (25.08.1530—18.03.1584) — одна из самых ярких и противоречивых фигур русской истории. Старший сын великого князя Василия III Иоанновича от второго брака с Еленой Глинской, он почти с рождения был обречен властвовать. В три года, после смерти отца, стал великим князем (1533), с пяти лет принимал участие во всех государственных церемониях, но фактически начал править в 1547 году. 16 января 1547 г. впервые в истории Руси великий князь был венчан на царство по «Чину венчания», составленному митрополитом Московским и всея Руси Макарием, и стал царем.

За годы царствования Ивана IV страна изменилась: почти в полтора раза увеличилась территория, реформы способствовали централизации и регламентации всех сфер жизни общества. Русь, став сильной теократической державой, значительно усилила свое политическое влияние в мире. Но цена, заплаченная народом за преобразования, была велика. Утопленные в крови города, сотни казненных и насильно постриженных в монахи людей, десятки беглецов, среди которых оказался и ближайший сподвижник Грозного — князь Андрей Курбский. Множество жертв нельзя объяснить одной лишь государственной необходимостью. Иван IV в «По-

сланиях Андрею Курбскому» анализирует причины репрессий, объясняет их унижениями, которым он подвергался в детстве и юности. Выросший в атмосфере придворных интриг, царь привык никому не доверять и лично контролировал каждый шаг своих приближенных. Вспыльчивость, подозрительность и жестокость Грозного во многом определили жизнь Российского государства во второй половине XVI века, сделав это время одним из самых ярких и трагических периодов в истории России.

Человек неистовых страстей и выдающихся способностей, царь Иван Васильевич оставил после себя богатое книжное наследие. Как уживались в одном лице образованнейший человек своего времени, книжник Иван Васильевич IV и царь Иван Грозный, который утопил в крови Новгород и убил собственного сына — наследника престола? Как отделить здесь вымысел от реальности и различить истинное лицо первого русского самодержца? Вряд ли нам помогут свидетельства современников, часто переполненные сплетнями и мифами, а порой просто пристрастные. Разгадку можно найти, лишь исследуя огромное письменное наследие царя Ивана IV, которое постоянно пополняется новыми произведениями. Он представлял собой очень колоритный тип самодержавного автора. Царь никогда не писал для собственного удовольствия, но, считая своим долгом учить народ, за который ему держать ответ на Страшном Суде, он все документы составлял сам. Это было не в правилах того времени и удивляло современников; так, папский легат Антоний Поссевино отмечал, что «ни переписчики и писцы... ни сам канцлер, который стоит над ними, не могут самостоятельно написать или ответить посланцам чужеземных государей. Сам великий князь диктует

им всё, и повторяя очень пространно без особой надобности титулы, и пересказывая обсуждающиеся факты». При этом Грозный следил за работой исполнителей и требовал от них «беречься того, чтобы грамота была написана слово в слово, а ни прибавки бы, ни убавки в той грамоте не было». И неудивительно, что почти все книжное наследие Ивана Васильевича Грозного составляют послания. Объем их различен: от совсем небольших дипломатических грамот до огромного богословского трактата. Собственно философских сочинений Иван Грозный не создавал, но многие его труды насыщены философскими идеями. Это определялось традицией древнерусской мысли, в которой философская проблематика еще не выделялась из единого культурно-религиозного пласта.

Большое значение для становления самобытной философской мысли сыграло то, что христианство говорило с русичами на их родном языке. Церковная служба, исполнявшаяся на родном языке, приобщала к миру новых духовных и идеологических ценностей и способствовала формированию собственной национальной культуры. Известный литературовед и лингвист Роман Якобсон писал: «Поскольку на средневековой шкале ценностей литургия символизировала вершину, то и право исполнять церковные службы на родном языке символизировало право также и на все остальные ценности. Культура в целом, и в первую очередь литературная продукция, тем самым становится национальной».

В Древней Руси проводником идей, аккумулированных в философской мысли Византии и Болгарии, стало христианство. Отношения теологии и философии в средневековье складывались непросто,

поскольку для христианского вероучения не было ничего более опасного и одновременно более необходимого, чем философская традиция, и в монашеской среде предупреждения против «мудрования» были часты: «И моляще же всех и запрещающе не имети отинуд свое мудрование и готовым быти ко всякому послушанию, да тако плод Божови приносится, а не своей воле» («И молил он всех и запрещал иметь собственные размышления, но быть готовыми ко всякому послушанию, дабы пользу Богу приносить, а не своей воле») — написано в «Житии Кирилла Белозерского». Однако вслед за византийскими богословами, которые были вынуждены прибегать к услугам философии, древнерусские книжники также творили с опорой на традиции античной философии, переосмысливая их в христианском духе. Андрей Курбский говорил об отцах Церкви, что они «философским обычаем писали». Но при этом мыслители средневековья по-разному очерчивали семантический спектр понятия «философия». В Древней Руси наибольшее распространение получило определение Константина (Кирилла) Философа, просветителя славян, сформулированное в кирилло-мефодиевской традиции: «Кирил словенский, вопросим бысть от Логофета, что есть философия, рече: Божиам и человекьским вещем разум, и елико может человек приблизитися Бозе, яко детелию учить человека по образу и по подобию быти сътворшому его» («Понимание вещей божественных и человеческих, чтобы приблизиться человеку к Богу, насколько это возможно, и научиться через добродетели становиться таким, как Тот, Кто сотворил его по образу и подобию Своему»). В этом небольшом, но очень емком по смыслу определении Константина Философа, взятом из его

жития, отразилось то отношение к философии и к проблеме человека, которое было выработано на основе синтеза древней мудрости Востока, Ветхого Завета, платонизма, стоицизма и христианства.

В Древней Руси утвердилось представление о философии как способе приближения человека к Богу. Философия при этом понималась прежде всего как философия дела (деяния). Для христианской идеи нет ничего важнее деяния. Деяние и мысль — нераздельны, без деяния мысль обесмысливается и перестает быть истинной. Лишь деяние воплощает мысль, в деянии она обретает плоть, подобно тому, как в личности Иисуса Христа божественное соединяется с человеческим. Здесь философия как размышление о Боге и человеке смыкается с философией как образом жизни, эта мысль была особенно близка сирийской христианской культурной традиции, от которой Русь унаследовала корпус нравоучительной литературы.

При всей «дробности» частных философских концепций Древней Руси общим для них было то, что все они рассматривали человека как духовно-телесное существо, телесно-духовную ипостась, как часть большого единого тела Вселенной, что создавало амбивалентность философских понятий, приближая философию к человеку, его практическим целям. Преображение человека, которое и было целью и смыслом его существования, древние русичи считали «духовно-телесным» преобразованием, при котором не только душа, но и тело не принижалось, но преобразалось. В своем стремлении преодолеть антиномию «трансцендентное — имманентное» они старались преодолеть и антиномию «разумное — чувственное». И если Фома Аквинский считал, что разум страдать не может, то древнерус-

ские философы воспринимали существование «страдающего разума» как аксиому. Опорой им служил образ Иисуса Христа, воплотившегося в оскверненное грехом тело человека, очистившего его своей крестной смертью и сошедшего во ад для спасения праотцев. Этот чрезвычайно емкий образ «схождения во ад» в Древней Руси осмысливается как снисхождение трансцендентного в самые глубины порочной, презираемой телесности, в такие бездны, что человеку и помыслить стыдно. Но лишь пройдя всю бездну плотского, можно возвысить его до божественного. Именно в этом возвышении духа из бездны и одухотворении плоти — пафос средневекового христианства. Поэтому в нем невозможно «разъятие» плоти и духа. Отделение плоти от духа — смерть, и ничего более, поэтому их раздельное изучение, с точки зрения древнерусских книжников, — бессмыслица и кощунство. В этом и состоит мудрость древнерусских «простецов», «не ведающих» философии.

Иван Грозный был блестящим знатоком догматики, обладая прекрасной памятью, легко и часто использовал святоотеческие и библейские тексты для оправдания и обоснования своих целей и задач. Для стиля посланий Ивана Грозного были характерны: экспрессивность, близость к разговорной речи, повторения, прямые обращения к адресату. Согласно традиции, письмо должно было создавать иллюзию личного общения, и Грозный был неподражаем в этом. Стремясь держать адресата в постоянном напряжении, он допускал разговорные интонации, насмешки, язвительные замечания, необходимые для того, чтобы уstrasшить и подавить собеседника, и не случайно его стиль получил название «кусательного».